Меньшой

ИТОГИ

мировой

ВОЙНЫ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ВВ255
М446

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

Отдел Советской Пропаганды В. Ц. И. К.

№ 7. Серия агитационная № 7.

BB255
M446

А. МЕНЬШОЙ.

ИТОГИ МИРОВОЙ БОЙНИ.

Цена 1 р. 25 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссийского Центрального Исполнительного
Комитета Советов Р., С., К. и К. Депутатов.
МОСКВА.—1919.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

П
1986

ВВ255 Р
М446

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)
1279
26 181860

Кн. 2-ая Кооперативное Издательство, Б. Дмитровка, 26.

Итоги мировой бойни.

I. Ангел мира и кучка империалистских негодяев.

Кончилась мировая война...

Я видел на днях английскую газету, — большую, серьезную газету, — с огромным аншлагом: „Ангел мира витает над землею“. И тут же — изображение этого витающего ангела, очень похожее на Ллойд Джорджа. Ллойд Джордж с крылышками! Ллойд Джордж „витает“!.. Газета, поместившая это достопримечательное изображение, субсидируется английским правительством. За деньги чего теперь не сделают!

Как часто в течение этих проклятых четырех с половиной лет мы с тоскою и робкой надеждою думали: „Ах, кабы мир поскорее! Ах, когда же, наконец, наступит мир! Дожить бы только! Какое это будет счастье!“ Но когда телеграф принес нам весть, что военные действия прекращены, что заключено перемирие и начались переговоры о мире, — мы вовсе не ощутили никакой внезапной радости. Что-то не слышали мы, чтобы из груди измученного, истощенного войною человечества вырвался вздох облегчения... Почему? Может быть, истекающие кровью народы предвидят, предчувствуют, что империалистский мир будет не лучше империалистской войны. Может быть, народные массы чувствуют, что на этот мир нельзя полагаться: ведь в воздухе уже носятся новые войны. Может быть, просто народные массы до того измучились, устали, что потеряли способность даже радоваться, ликовать... Во всяком случае, ангел мира был встречен всюду очень холодно, вовсе не так радушно, как он мог ожидать.

Ему устроена холодно-торжественная встреча. В Париже заседает мирная конференция,—небольшая, но теплая компания, которая решает судьбы народов. Конечно, все „лучшие люди“, „избранные“, главы правительств, министры, фельдмаршалы, блестящие генералы. Народы могут быть совершенно спокойны: „они“ уже „решат“...

Но всмотритесь поближе в эти дипломатические и генеральские физиономии. „Ба! знакомые все лица!“ Вот в председательском кресле наш старый приятель Вильсон; вот Клемансо, французский тигр; вот Ллойд Джордж, английская лисица; вот маршал Фош.

Библиотека им.
Библиотека

союзнический лев; — и прочее империалистское зверье... И домашние животные тут же! Вот Вандервельде, во главе целой стаи „социал-демократических“ ценных псов; вот империалистские ищейки, в модных фраках и с портфелями под мышками; вот дипломатические мышиные жеребчики... А кто это там сзади так жалобно, пискливо, заискивающе кудахчет? А, это представители германской „социалистической республики“...

Какое блестящее собрание!

Вильсон приехал из-за моря исключительно для того, чтобы насадить в Европе демократизм и свободу. Но перед своим отъездом он позаботился о том, чтобы демократизм и свобода были с корнем уничтожены в Америке. Пока он тут произносит речи о свободе, там, в Америке, тысячи рабочих томятся в тюрьмах — за то, что они требовали... свободы. Перед тем, как приехать в Европу насаждать демократизм, этот благодетель рода человеческого насадил в Америке жандармерию и белый террор... Но он — искусный политический актер. Он умеет лгать с таким видом, как будто сам себе искренно верит. Он — гениальный языкобуд. Он умеет проводить за нос, — кого угодно... Рокфеллер и Морган знали, небось, кому доверили свои интересы...

Газеты пишут, что Вильсон не останется до конца конференции. Он спешит обратно домой, в Америку,—боится, как бы в его отсутствии господа, которым он служит, не отыскали себе лучшего слугу. Верные, преданные слуги всегда очень ревнивы к своим господам... он уезжает, но его дух будет незримо витать на блестящем собрании, в залах версальского дворца,—дух политического мошенничества и (если позволено мне будет так выразиться) проведения за нос. Он уезжает—но оставляет своих сподвижников, младших приказчиков американского империализма, Рута, Гувера, Лэнсинга.

Об этих младших приказчиках тоже следует сказать несколько слов.

Элайгу Рут. Бывший биржевой заяц, адвокат с „подмоченной“ репутацией. Бывший министр иностранных дел, заключивший тайный договор с царской охранкой относительно выдачи политических преступников, искавших убежища в Америке. Бывший военный министр, прославившийся необычайной жестокостью. Темный делец, вождь американской черной сотни, рьяный „патриот“, ближайший друг покойного „бешеного“ Рузвельта... „Рут—патриот по профессии и, следовательно, человек, не заслуживающий никакого доверия“,—так писала одна американская газета летом 1917-го года, когда Рут в Москве вел тайные переговоры с Коноваловым и Рябушинским. Однако, Рут пользуется полнейшим доверием американских некоронованных королей.

Лэнсинг. Министр иностранных дел (государственный секре

тарь). Политический деятель / со скандальным прошлым, бывший спекулянт. Если бы он не сидел в министерском кабинете, то сидел бы в тюрьме—за подлоги. Но так как посадить в тюрьму министра неловко, то дело о подлогах было очень искусно замято и предано забвению...

Вильсон дирижирует дипломатическим оркестром. А оркестр подобран на славу! Клемансо и Ллойд Джорж—первые скрипки, Бальфур и Бриан, Бонар Лоу и Буржуа. Каждый из этих джентльменов, наверное, был бы выдающимся карманным вором, или взломщиком, или шуллером, или сутенером, если бы не был выдающимся государственным деятелем... Клемансо, перебывавший во всех партиях, всем изменивший, предавший всех своих друзей, и болезненно-жестокий, кровожадный Бальфур; Бриан, которого вся французская пресса единогласно относит к разряду „грязных личностей", и Бонар Лоу, беспрекословно исполняющий волю английских капиталистов... Говорят, там будет еще римский папа. Его только—„наместника Христа на земле"—там недоставало!.. Как будто кто-то нарочно, смеха ради, подобрал такой пахучий букет... Но это не смеха ради. Эта кучка негодяев, действительно, в серьез распоряжается судьбами стран и народов. Кучка негодяев, действующая в интересах империалистов-поработителей, имеющая в руках своих громадную власть, умеющая пользоваться темнотой и невежеством масс, умеющая обманывать, ослеплять массы... Судьбы народов в руках кучки негодяев—над этим следует призадуматься...

II. Счет прибылей и убытков.

Прежде всего эта небольшая, но теплая компания должна заняться немножко бухгалтерией, просмотреть и проверить книгу прибылей и убытков.

Конечно, те, которые затеяли войну, не обманулись в своих расчетах... Прибыль — душа капитализма. Все, что делается, все, что предпринимается представителями капитала, делается и предпринимается во имя прибыли. Война была затеяна тоже во имя прибыли. И она принесла прибыли — как раз столько, сколько она должна была принести.

Крупный капиталист, предпринимающий большое „дело", никогда не скупится на расходы. Он знает, что расходы окупятся. Он тратит миллионы, — но когда „дело" налажено, поставлено на рельсы, он начинает „зарабатывать" так безумно много, что потраченные миллионы кажутся ничтожными грошами. Капитал его увеличивается, он „расширяет дело", он тратит новые миллионы— и „зарабатывает" новые десятки миллионов...

Война с точки зрения империалиста,—только „дело", коммер-

военное предприятие,—но коммерческое предприятие исключительно-выгодное. Тут не приходится тратить ничего на расходы: расходы выколачиваются из народного кармана, прибыли текут в карман империалиста. Империалист и правительство действуют заодно, рука об руку. Что такое правительство Англии, Франции, Америки? Ставленники империалистов, лакеи империалистов... И вот правительства выколачивают из народного кармана расходы, а империалисты „зарабатывают“...

Вот передо мной целый ряд вырезок из империалистских газет. Эти вырезки в высшей степени интересны. Они относятся к маю 1917 года, т.-е. к тому времени, когда Америка только что вступила в войну и принялась строить могущественный военный флот. Вот телеграммы из Вашингтона:

„Вашингтон, 25 мая. — За первые 23 дня мая месяца одна из американских судостроительных верфей закончила и спустила в воду 29 судов, общим водоизмещением в 174,622 тонн“ (суда, значит, довольно солидные!).

„Вашингтон, 29 мая. — В продолжение недели, закончившейся 25-го мая, судостроительные верфи закончили и сдали 10 стальных кораблей. За ту же неделю было спущено 15 стальных и 3 деревянных корпуса. Всего за май месяц будет закончено 30 стальных и 25 деревянных судов. Председатель военно-морского совета Гейрли заявил, что всего в этом году будет построено 1600 больших судов“.

Чтобы быть в состоянии доставлять в Европу громадное количество съестных припасов, аммуниции, военного снаряжения, войск, Соединенные Штаты должны строить не только огромные суда, но и десятки тысяч новых вагонов и паровозов... Вот телеграммы из Нью-Йорка:

„Нью-Йорк, 1 мая.—Главный директор железных дорог Лэк Аду заключил контракт на постройку 70 тысяч товарных вагонов. Стоимость этих вагонов, вместе с 3,000 заказанных ранее, достигает 300 миллионов долларов“. (Доллар—два рубля по до-военному курсу).

„Нью-Йорк, 1 мая,— Заключены контракты на постройку 1,025 грузовых и пассажирских паровозов. Сумма всего заказа равняется 60 миллионов долларов“.

Когда я читаю эти телеграммы, вот какие размышления приходят мне в голову:

Как строятся эти суда, паровозы, вагоны? Правительство дает заказ какой-нибудь крупной фирме, какому-нибудь акционерному обществу,—тресту, т.-е. шайке крупных капиталистов—империалистов. Можете быть уверены, что шайка капиталистов при этом себя в обиду не даст: они „зарабатывают“ на этих заказах

сотни миллионов. Кто платит за суда, паробозы и вагоны? Правительство. Откуда правительство берет деньги? Деньги поступают в казну в виде налогов. Кто платит налоги? Народ, рабочие, крестьяне,—миллионы людей, которых заставляют, под страхом строгого наказания, платить налоги. Правительство, таким образом, является как бы передатчиком, оно выколачивает денежки из народного кармана и передает эти пахнущие потом и кровью денежки господам капиталистам.—„пожалуйте вам, господа"...

Империалистам нужна война не только ради победы, но и сама по себе. Победа сулит им завоевания, захваты, но и сама по себе война приносит им огромные доходы. Они наживаются на приготовления к войне. Немудрено, что они патриоты, что они так любят свое отечество. Как не любить отечество, когда его так легко грабить!

О том, сколько денег нажили американские капиталисты на постройке судов паровозов, вагонов и проч., можно судить по следующему весьма, любопытному обстоятельству:

В прошлом году в американском парламенте (конгрессе) был проведен закон о налоге на военную сверх-прибыль. Вашингтонское статистическое бюро вычислило, что от всех судостроительных, вагоно и паровозостроительных фирм сверх-прибыльного налога поступит такая сумма, что ее хватило бы на прокормление всего населения города Чикаго в продолжение 16-ти дней (в Чикаго 2½ миллиона жителей). Это налог на сверхприбыль! Вы можете себе представить, какой чудовищно-огромной цифры достигает самая сверх-прибыль... А ведь кроме сверх-прибыли есть еще и просто прибыль. Тут просто голова начинает кружиться от десяти и двенадцатизначных чисел...

Но американские капиталисты грабят не только свое собственное отечество. Они грабят и своих милых союзников. Они снабжают орудиями убийства Англию, Францию, Италию. В течение 4-х с половиной лет из Америки в Европу один за другим отправлялись пароходы, нагруженные снарядами, винтовками, пушками, паровозами, углем, предохранителями,—и возвращались назад, нагруженные золотом. Вот интересные цифры показывающие рост ввоза золота в Соединенные Штаты:

С 1-го июля 1913 года по 1-ое июля 1914 года в Соединенные Штаты ввезено было золота на 66.538.659 долларов.

С 1-го июля 1914 г. по 1-ое июля 1915 года ввезено было золота на 171.568.755 долларов.

С первого июля 1915 г. по 1-ое июля 1916 года ввезено было золота на 494.009.301 доллар.

Накануне войны—66 миллионов, в первый год войны—171 миллион, во второй год войны—494 миллиона! Так растут доходы капиталистов...

Доходы многих крупных американских металлургических компаний за время войны удвоились, утроились, **усемерились**— а доходы „Бетлегемской Стальной Корпорации“ даже **удесятерились**. Многие капиталисты стали „зарабатывать“ не 25, 30 и 50 процентов на капитал, многие—по 100 процентов („рупь на рупь“), а некоторые—даже по 300 процентов! Три рубля на рубль!

С такой же головокружительной быстротой обогащались и английские, и французские, и германские капиталисты... Германия разгромлена, но Крупп вряд ли раскаивается в том, что война была затеяна. Крупп недурно-таки „заработал“ на войне. Недурно „заработали“ и господа Ротшильды, и английские металлургические короли. Каждый выстрел, каждый убитый солдат, каждый выпущенный снаряд приносили малую толику прибыли и сверх-прибыли. Вовсе не удивительно, что господа капиталисты стояли за „войну до конца“, „до полной победы“. Им хотелось бы, чтобы война тянулась долго-долго, чтобы никогда ей не было конца... Конечно, они тоже равнодушно, без вздохов облегчения, без всякого восторга встретили ангела мира: этот ангел явился совсем некстати, как раз в тот момент, когда они все больше и больше входили во вкус,—ангел явился и разрушил такое доходное коммерческое предприятие... Ах, несносный ангел!

И вот заседают главы правительств, министры, дипломаты в Париже и подводят итоги, и подсчитывают прибыли. Миллионы, десятки, сотни миллионов, миллиарды, десятки миллиардов... Сотни миллиардов!.. Они тяжело вздыхают—и грусть изображается на строгих, глубокомысленных лицах.—„Да,—думают они,—это были счастливые $4^1/_2$ года! Увы, эти счастливые годы ушли безвозвратно“...

* * *

Убытки...

Убытки подсчитать трудно, невозможно...

Во что обошлась война народам Европы?

Английский статистик Креммонд сделал попытку подсчитать стоимость **первого года войны**, включая убытки вследствие разрушенного имущества, потери производства и т. д. По подсчету Креммонда, первый год войны обошелся в 9,1 миллиардов фунтов стерлингов, т.-е. в 91 **миллиард рублей**. О величине этой чудовищной цифры можно судить по тому, что **эта цифра почти на $^1/_2$ превышает число секунд, протекших со дня рождения Христа до конца первого года войны.** (М. **Павлович**. „Итоги мировой войны“)

Первые $3^1/_2$ года войны обошлись человечеству почти в 600 (586) **миллиардов рублей**. Один швейцарский статистик вычислил, что, если эту сумму разменять на русские десяти-рублевые золо-

тые монеты, то монет получилось бы столько, что из них можно было бы составить пояс (приставив монеты одну к другой) длиною в 186,765 английских миль.

С первого августа 1914 г. по 1-ое января 1918 года на войну потрачено было около 600 миллиардов франков (франк приблизительно 37 коп. по довоенному курсу), — в $5^1/_2$ раз больше суммы военных расходов, поглощенных за все войны, которые велись в течение последних 125-ти лет.

Нам, маленьким людям, трудно себе представить, что такое миллиард. Мы можем составить себе только приблизительное понятие об этой цифре.

В довоенное время, по тогдашним ценам, человек мог безбедно существовать, — скажем, на 1000 рублей в год. Миллион человек могли бы безбедно просуществовать год на 1 миллиард рублей. Той суммы, которая была потрачена на войну в течение первых 3-х с половиной лет (586 миллиардов рублей) вполне даже с излишком — хватило бы на продовольствование всей Европы в течение целого года.

Что было бы, если бы эта чудовищная сумма денег, эти огромные кучи золота, были потрачены не на истребление и разрушение, а на улучшение, усовершенствование, украшение нашей жизни! Как далеко можно было бы двинуть вперед прогресс, цивилизацию!.. Ведь какую массу человеческого труда представляют собою 586 миллиардов!

Но эта цифра—586 миллиардов—только приблизительная, далеко не точная. Точно учесть стоимость войны нет никакой возможности,—потому что тут надо принять во внимание стоимость разрушенного имущества (земли, ставшей на много десятков лет бесплодной, сожженных деревень и городов, потопленных пароходов, разрушенной промышленности, разрушенных железных дорог и т. д., и т. д., и т. д.), стоимость долголетней подготовки к войне (ведь к войне все „державы“ готовились десятки лет), стоимость загубленной человеческой энергии и т. д. Если все это принять во внимание, все это попытаться подсчитать, то мы уже из области сотен миллиардов подпадем в область таких громадных чисел, с которыми ум человеческий не привык обращаться. Перед нами будут числа 15-ти и 18-ти значные. Вы представляете себе единицу с 16-ью нулями? Вы представляете себе, что это такое? это нечто бесконечно-великое, безумно-огромное...

Вот цифры, дающие некоторое, приблизительное понятие о разрушениях, произведенных войною:

В одном лишь городе Реймсе разрушено 12 тысяч домов,—всего в этом городе было 14 тысяч домов. Во всей северной Франции разрушено от 200 до 250 тысяч домов... Вычислите, сколько людей

осталось без крова!.. Убытки от разрушения жилых домов в одной лишь северной Франции достигают 20 миллиардов франков. Убытки от уничтожения домашней обстановки достигают 5-ти миллиардов, убытки от разрушения промышленности—20 миллиардов, общая сумма убытков в северной Франции—65 миллиардов франков! А разрушения, произведенные в Бельгии, в Сербии, в Галиции, в Польше, в Белоруссии, в Литве, где многие селения переходили из рук в руки чуть ли не по десятку раз, где села и деревни сравнены с землей, где тысячи десятин плодородной земли превращены в пустыню!.. Через много много лет эта опустошенная земля, говорят, будет необычайно плодородна—потому что она унавожена человеческими телами, миллионами трупов и обильно полита кровью...

* * *

Война—своего рода азарт.

Азартный игрок начинает обыкновенно „по маленькой", потом незаметно для самого себя все больше и больше „втягивается",—и когда он убеждается, что проиграл гораздо больше, чем он имеет, то это является для него полной неожиданностью.

Когда война началась, все были уверены, что она скоро кончится. Предполагали, что война будет продолжаться два-три месяца,—ну, полгода! Никак не больше! Как-то незаметно война затянулась. Расходы на войну росли с головокружительной быстротой. И теперь, когда прилетел ангел мира, все участвовавшие в войне страны до того запутались в долгах, что выпутаться нет уже никакой возможности.

Вот некоторые цифры, показывающие рост военных расходов.

В 1914-м году, в первые месяцы войны, Россия тратила на свой фронт 12 миллионов рублей в день. В 1915-м году тратилось уже ежедневно 19 миллионов рублей в день, в 1916-м году—35 миллионов рублей, в конце 1916-го года—50 миллионов рублей. А в начале 1917-го года правительство Львова—Керенского тратило на войну уже около 60-ти миллионов рублей в день.

С такой же страшной быстротой росли военные расходы Франции, Италии, Англии, Германии. Все страны Европы быстро истощались. Они тратили больше, чем имели.

Уже к концу первого года войны почти все „державы" стали прибегать к займам, внешним и внутренним. Займы и проценты по займам еще более истощали. Государственная казна опустошалась. Разрушались богатства, накопленные трудами столетий, трудами десятков поколений. Государства буквально нищали. Займы делались „за счет будущего": нашим детям, внукам, и правнукам, и пра-правнукам придется „отрабатывать" войну. Решительно все,

что имело хоть какую-нибудь ценность, приносилось в жертву богу войны. Война пожрала все.

Незадолго до русской революции профессор Бъеров вычислял, что если война продолжится до 1-го января 1918-го года, то России придется выплачивать одних процентов по займам $3^1/_2$ миллиарда рублей в год. России никаких процентов платить никому не будет! Но эту цифру следует все-таки запомнить: $3^1/_2$ миллиарда одних процентов! Следует еще помнить при этом, что есть еще проценты на проценты, что эти страшные цифры имеют свойство разрастаться, разбухать, как снежный ком, катаемый по земле... или вернее, как лавина, несущаяся с кручи...

До войны весь государственный долг России составлял около 9-ти миллиардов рублей. К началу 1918 года он увеличился до 80 миллиардов рублей. На каждую душу населения, считая стариков и младенцев, мужчин и женщин, приходится более 500 рублей долгу, а на каждую семью в 5 человек—до 3,000 рублей. Россия никогда не выплатила бы этих долгов и процентов по долгу, если бы даже и у власти стояло какое-нибудь буржуазное правительство: неоткуда взять...

Государственный долг Италии достигает 50 миллиардов лир (франков), и полное государственное банкротство Италии неизбежно. Англия и Франция должны меньше, но и эти две богатые державы совершенно обнищали.

Обнищали, истощились не только те страны, которые непосредственно участвовали в войне, но и страны нейтральные. Финансовая, экономическая и продовольственная разруха — решительно всюду. И везде от этой разрухи страдают только трудящиеся массы: капиталистов, сильных мира сего, разруха не коснулась, они сумели оградить себя.

Созидать труднее, чем разрушать. Если столько труда и энергии, столько жертв потребовалось на то, чтобы опустошить Европу, то сколько понадобится усилий для того, чтобы снова вернуться к „нормальным" условиям! Сколько труда и энергии потребуется на то, чтобы отстроить разрушенные города, вновь вспахать и засеять опустошенные поля, вновь пустить в ход замершую промышленность, вновь наладить выбитую из колеи жизнь! Пройдут десятки лет прежде, чем человечество опомнится, придет в себя... Вряд ли когда-нибудь вернется оно к прежним „нормальным", довоенным условиям. Ибо разве может опустошенная, разоренная, истекающая кровью Европа приняться за созидание новой жизни или хотя бы за исправление все-как? Накопленные трудом многих поколений богатства пожрала война,—и теперь, когда кончилась война и надо приняться за строительство мирной жизни, то уже не

с чем приняться. И сил нет, энергии нет приняться за новое строительство: народы так устали, так изможденны...

Строительство новой жизни потребует нового неимоверного напряжения сил — и новых жертв. Новые страдания, новые неисчислимые бедствия принесет с собой мир. И кто знает — быть-может, мир окажется еще хуже войны...

* * *

Сколько было загублено человеческих жизней?

Никто этого не знает. Убитых не считали. Их было так много, что было бы... смешно, — да, было бы смешно!—считать их. В начале войны, правда, считали, подсчитывали приблизительно, но боялись открыто говорить, сколько именно. Всегда правительства лгали: показывали меньшие цифры, чем были на самом деле. А потом и вовсе перестали показывать цифры, — кому, мол, какое дело! Не все ли равно, сколько выбыло из строя? Ведь пушечное мясо не такой уж дорогой материал, чтобы вести ему правильный учет.

Сколько народу погубил „храбрый царский генерал Ренненкампф во время своих знаменитых походов в Мазурские болота? Кто знает? Говорят, сотни тысяч, — а, может быть, миллионы? — Сколько погибло черногорцев? Говорят, перерезано больше половины всего населения Черногории и Сербии, — может быть, даже около трех четвертей всего населения этих двух маленьких государств... Ведь один выстрел дальнобойной пушки, один снаряд уничтожал сотни и тысячи людей? А сколько погибло в окопах от голода, холода, болезней, пзнурения!..

Словно ураган, пронеслась война над землею. Она не щадила никого. Смерть косила не только на полях сражений, но и в „мирных“ углах. И — кто знает, сколько было „мирных“ жертв, случайных жертв? Сколько погибло от бомб, которые бросались с аэропланов, от подводных лодок, подстерегавших свои жертвы в морских глубинах, от „шалых пуль“, летавших подчас не туда, куда следовало им летать!

Берхарн в своей книжке „Разоренная Бельгия“ рассказывает такой факт.

В одном мирном, тихом бельгийском городишке жили старик да старуха. Они были уже очень стары, и старуху разбил паралич. Она лежала в постели, старик около нее хлопотал: сына забрали на войну. Вдруг услышали они какой-то страшный шорох — все громче, все ближе. Это летал аэроплан. Но старосветские старички никогда не видели аэроплана, они не знают, что это такое. Старик выходит на балкон посмотреть, в чем дело. На улице — толпа. Перегнулся старик через перила балкона, — головы его не видно старушке, лежащей неподвижно на постели, она

видит только ноги и спину. Вдруг — взрыв. Потом — гул толпы, и глухой какой-то звук. Старик продолжает стоять неподвижно, свесивши голову, — как будто замер. Ухватился руками за перила, стоит — не движется... Все стихло. Мертвая тишина наступила... Проходит пол-часа, час... А старик все стоит, все в той же позе,— и старуха видит перед собою только ноги, спину—и локти крепко ухватившихся за перила рук. Она окликает его, он не оборачивается, не отвечает. Вдруг несказанный ужас охватывает парализованную старуху. Она кричит надрывно, исступленно — никто не отвечает, Ужас внезапно исцеляет ее от ее тяжкой болезни. Она вскакивает с постели, — вот она на балконе... Старик—без головы. Голова упала на землю. Ее оторвала бомба— или осколок бомбы. А он остался стоять... Старуха упала замертво...

Это маленький фактик. Таких маленьких фактиков было много в эти кошмарные четыре с половиной года... Вспомним наших собственных русских беженцев, детей беженцев, которые сотнями умирали на больших дорогах, в лесах, где они прятались от смерти, в вагонах-теплушках, на станциях железной дорог и прямо на улицах... Вспомним пленных, которые тысячами погибали от голода и эпидемий. Вспомним жителей разных „прифронтовых полос", которых озверевшие, опьяневшие от крови солдаты и офицеры истребляли зря, „так себе",—потому что убить человека стало все равно, что раздавить вошь.

А что делалось на самом поле сражения? Этот ужас совершенно невозможно описать. Нет таких слов на человеческом языке, которыми можно было изобразить этот сплошной кровавый кошмар.

Один английский офицер, проведший около двух лет на фронте, рассказывает в своих „Записках":

„Убитых и раненых так много, что их не успевают подбирать. Все поле после атаки сплошь усеяно трупами. Наконец, их начинают валить в кучу. Куча растет. Куча обезображенных тел,—и обломков, обрывков тел. Тут—руки, ноги, головы, кость с куском окровавленного, еще горячего мяса. В одну кучу валят убитых и раненых, трупы—и еще живых... Ночью, после битвы, наступает тишина, в небе мерцают звезды, тепло. Воздух насыщен трупным запахом. Бродишь по полю, спотыкаешься о трупы, и когда проходишь мимо кучи выбывшего из строя пушечного мяса, явственно доносятся до твоего слуха стоны, вздохи, бред. Иногда можно разобрать даже отдельные слова. Кто-то плачет жалобно, как ребенок: „Ма-а-ма"... Это—раненые, очутившиеся внутри или в самом низу мертвой кучи... Мы прятались за эти кучи, устраивали из них баррикады"...

Война превращает человека в зверя, делает его способным на все. Были не только тысячи ненужных, бессмысленных, лишних убийств,—не только убивали мирных, безоружных, беззащитных,—

но были и бессмысленные, ненужные пытки, истязания... надругательства над трупами... Было **опьянение кровью.**

„Мы убивали, резали, кромсали живое человеческое мясо—с увлечением, с восторгом, и наслаждением,—рассказывает тот же английский офицер.—В эти минуты мы забывали опасность, мы забывали все на свете. Нам доставляло удовольствие ловким ударом сшибить с ног, размахнуться—и снести голову. Часто во время таких рукопашных боев (они бывали очень, очень редко) я испытывал такое же наслаждение, так когда-то в дни детства, когда я по воскресеньям гулял по Британскому Музею"...

* * *

У нас есть только приблизительные цифры убитых, раненых, пропавших без вести.

С начала войны по первое марта 1917 года убито было 4.341.200 человек, ранено—2.448.500 пропало без вести и взято в плен—2.314.500.

Всего выбыло из строя 9.104.200, человек.

До января 1918 года все участвовавшие в войне армии потеряли убитыми, тяжело и легко ранеными, пленными и пропавшими без вести—**около 25-ти миллионов человек.** Число убитых за первые $3^1/_2$ года войны вдвое превышает число умерших во всей войны за 125 лет от 1790 г. по 1914 год.

Россссия потеряла убитыми **один миллион человек,** ранеными и искалеченными—**4 миллиона,** пленными—**2 миллиона 700 тысяч человек.** Число умерших от разных эпидемических болезней, свирепствовавших на фронте и в тылу, сошедших с ума, умерших от голода и [illegible],—не поддается учету. Вообще же надо считать, что в одной лишь России непосредственно пострадали от войны **25 миллионов человек.**

Одними лишь убитыми Россия потеряла миллион человек! Нетрудно представить себе, сколько осталось вдов и сирот, безприютных, неутешных, обреченных на нищету, голод и медленную мучительную смерть. Ведь на войне умирали исключительно молодые, полные сил, и исключительно бедные, трудящиеся,—богачи-тунеядцы на фронте не бывали.

4 миллиона раненых и калек! И опять—легко себе представить, сколько миллионов жен и детей калек, обреченных на голодное существование.

Около 3-х миллионов пленных! Сколько из них вернется из плена? Вряд ли половина. **Большая часть** наших пленных погибли в Германии и Австрии от разных повальных болезней, от истощения и голода. А среди тех, которые возвращаются, такая масса больных, инвалидов, навсегда потерявших трудоспособность.

Потери **Германии** едва ли не больше, чем потери **России.**

До 1-го марта 1917 года Германия потеряла около 900.000 человек убитыми и около полумиллиона ранеными. Франция и Англия потеряли значительно меньше,—но тоже огромное количество людей.

Таковы, так сказать, непосредственные убытки в людях. Тут не перечислены жертвы тыла, а их, пожалуй, еще больше, чем жертв фронта. Война увеличила смертность во всех странах. И с наступлением мира смертность не уменьшается, а, наоборот, даже растет. Солдаты приносят с собой домой с фронта и из плена разные заразительные болезни, главным образом чахотку и сифилис. При страшной продовольственной разрухе бороться с болезнями необычайно трудно. С ужасающей быстротой эпидемия распространяется среди голодающего населения, охватывая целые селения, целые округи. Кто не знает, что у нас в России имеются целые деревни, сплошь зараженные сифилисом? Число сифилитических солдат в русской армии исчислялось сотнями тысяч, Число сифилитиков в германской армии исчислялось миллионами. А сколько было чахоточных солдат? В 1917-м году во всех воюющих странах стоял на очереди вопрос о „сифилизации" и туберкулизации страны. Серьезно опасались, что демобилизация армии приведет к заражению целых стран сифилисом и чахоткой. Эти болезни распространяются с необыкновенной быстротой. Армии Франции, Англии, Италии еще не демобилизованы, и опасности полной сифилизации и туберкулезации этих стран еще не миновала. Очень и очень возможно, что сифилис и туберкулез (чахотка) унесут в могилу еще больше жертв, чем унесла война. Очень возможно, что мир действительно будет хуже войны.

А сколько жертв унесли в могилу цинга, тиф, холера? И как долго будут еще свирепствовать все эти страшные болезни? Они передаются по наследству, из рода в род, из поколения в поколение. Еще не родившиеся уже обречены на гибель. Поколение, которое придет нам на смену, будет поколением сифилитиков и чахоточных, идиотов, золотушных, выродков,—это будут потомки людей, пережившие великую катастрофу, безумный ураган войны!

Следы войны останутся надолго. Через сотню лет в больницах и сумасшедших домах будут люди, деды которых сражались за торжество идей доморощенных „о великую германскую культуру"... Вы заметили?—вы редко встречаете теперь на улицах—в России, в Англии, во Франции, и даже в Америке и Японии (я был в Америке и Японии совсем недавно) беззаботных, жизнерадостных, смеющихся или улыбающихся людей. Мы не похожи на самих себя, пять лет тому назад мы были совсем не такими. И много-еще лет пройдет прежде, чем на земле вновь появятся смеющиеся, улыбающиеся люди...

* * *

Хуже всего—искалеченные, обезображенные, лишенные образа и подобия человеческого.

Из моей памяти никогда не изгладится встреча с „первым американским героем, вернувшимся с фронта“!

Был теплый, солнечный осенний день (осень 1917 года). Я гулял в чудесном Франклиновом парке в Бостоне. Публики в парке было мало: няньки с детьми, да две-три старухи...

Вдруг на повороте аллеи я заметил издали какую-то странного вида тележку и на ней какой-то страшный, безформенный черный мешок. Тележку тащили две сестры милосердия, а то что я издали принял за мешок, издавало дикий, пронзительный звериный крик. Несомненно, это было живое существо, но какое? Я приблизился. На меня глянула пара страшных человеческих глаз. Никогда я не видал таких глаз! В них было что-то дикое, неописуемо-страшное. Ужас охватил меня, Я явственно помню. Это ощущение внезапного, нечеловеческого ужаса. Я бросился бы бежать, но ноги не повиновались. Я остолбенел от безотчетного какого-то страха.

Передо мной был человек. Да, человек... Без рук и без ног. Круглый кусок мяса, мясной шар — и наверху — обезображенная, без носа и ушей, голова. Мясной шар был обернут в черную материю — и на груди „человека“ красовался крест, знак отличия.

Я разговорился с сестрой милосердия.

Это, сказала она мнѣ, первый американский герой. Она — патриотка и счастлива, что на ее долю выпал приятный долг ухаживать за „первым героем“... Он — рабочий, его недавно привезли с фронта. Тут у него мать, его привезли к матери...

Как он живет? Что он чувствует? Неизвестно. Он не говорит, он немой. Он потерял способность говорить, он только кричит, как зверь. Он кричат, когда видит летающих птиц, когда видит, как играют дети... А его мать? „Она... она какая-то... мне кажется, она сошла с ума. Однажды она хотела выбросить его из окна четвертого этажа“...

Было что-то кошмарное в неподвижности этого круглого куска мяса; что-то было не-человеческое в его крике, — я никогда не слышал ничего подобного: протяжный, надрывный, ревущий крик...

В окрестностях Парижа устроена специальная „колония“ для обезображенных калек... Тут живут чудовища, некогда бывшие людьми. Безрукие и безногие, слепые, сумасшедшие, обрубки человеческих тел, в которых осталась еще искра жизни; существа без членораздельной речи, без мыслительного аппарата, без органов чувств; люди, которых война превратила в пресмыкающихся, в червей, в лягушек... Здесь они собраны все. Здесь — чудовищное разнообра-

ние. Уроды-великаны и уроды-карлики; искромсанные шеи — так что голова слилась с туловищем в одну сплошную массу; продолговатые обрубки, овальные, круглые. Все это живет, дышит и питается. Но они все молчат — или рычат, как звери. У многих вывороченные внутренности, у других голова приняла змеиную, причудливую форму, у третьих — все черты лица слились в одну сплошную безформенную, серо-красную массу. Какое множество и какое разнообразие безумных, диких масок!

Сюда никого не пускают, и эти чудовища никогда не покидают стен этих домов ужаса...

Эти дома ужаса в высшей степени характерны для нашей „гуманной цивилизации", для нашей „христианской культуры". Тут — вся глубина буржуазно-христианского лицемерия, тут бездна подлости и жестокости. Они с холодным расчетом разбойников с большой дороги организовывали эту кровавую свалку, десятилетия готовились они к ней. „Лучшие умы человечества", светила нашей „гуманной культуры", „благородные представители науки", изобретали усовершенствованные орудия убийства и истребления. Они посылали молодых, здоровых, цветущих людей на убой. Они упивались кровью. Ради прибылей, ради денег загубили они миллионы человеческих жизней. Они обрекли многие народы на вымирание, все человечество — на голод. Они пробудили зверя в человеке. Четыре с половиной года лились потоки крови, которые они научились превращать в потоки золота. И теперь они заботятся об этих чудовищах! Они так добры, так милосердны!.. Тут уже — предел лицемерия, предел издевательства над Человеком...

III. Голод.

Одно из многочисленных последствий войны—голод. На полях сражения погибло около десятка миллионов человек. От голода погибнет, может быть, еще больше.

Голодают все: Германия и Австрия, союзные страны, нейтральные страны. Везде одно и то же: обработка полей ухудшилась, посевная площадь сократилась, железные дороги разрушены, фронт в течение 4-х с половиной лет поглощал все запасы, правильный обмен продуктами между отдельными странами нарушен. Продовольственное положение во всех без исключения странах становится с каждым днем все хуже и хуже. Мир, конечно, делу не поможет. Борьба с голодом будет трудной и долгой борьбой. Человечество не сумеет так скоро искоренить все причины, породившие голод.

В некоторых странах наступил уже форменный голод. Германия и отчасти Италия уже голодают в буквальном смысле этого слова. На почве голода развиваются разные болезни и неимоверно-быстро растет смертность. Случаи смерти от истощения весьма часты

Библиотека Института Ленина при ЦК. В.К.П. (б.) 181860

Люди падают на улицах. Пожалуй, вовсе не преувеличенным является слух, будто в Германии больных больше, чем здоровых. В Италии, по официальным правительственным сведениям, сыпная болезнь в течение каких-нибудь двух-трех месяцев унесла с собою 165 тысяч человек! А по неофициальным сведениям, эта цифра гораздо больше. На почве голода в Европе появились новые, доныне невиданные и неслыханные болезни, уносящие в могилу самым образом детей и стариков... Люди питаются опилками, картофельной шелухой, разной дрянью и нечистью,—немудрено, что с такой быстротой развиваются болезни...

Дело с продовольствием не только не улучшается, но, наоборот, идет к худшему. Продовольственные пайки не увеличиваются, а уменьшаются. Как горько должны разочароваться те легкомысленные люди, которые думали, что мир принесет им избавление! Они убедятся теперь, что империалистский мир не лучше империалистской войны...

Некоторые страны поставлены в сравнительно лучшее положение. Англия и Франция получают продовольствие от Америки. Но много ли они получают? Жалкие крохи. И как долго сумеет Америка кормить их. Ведь и в самой Америке продовольственные дела не очень блестящи. Если Америка вывозит хлеб, мясо, сахар в Европу, то ведь этот хлеб, мясо и сахар отнимаются у американского рабочего и крестьянина. Американского рабочего заставляют терпеть голод, чтобы иметь возможность бросить несколько крох голодающей Европе. Американское правительство понемногу приучает свой народ голодать...

Конечно, есть люди, которые не голодают. Есть люди, которые сытно едят именно потому, что миллионы голодают. Где-то искусные повара готовят изысканные блюда. Где-то льется рекою вино. Где-то люди пируют... Ах, всегда были эти пиры во время чумы! Вот вам интересная вырезка из одной американской газеты:

„Вчера, 16-го марта 1917 года, угольный король Бойрис давал обед ответственным служащим своих предприятий. Обед был сервирован в роскошном доме Бойриса на Фифт-Авеню (знаменитая нью-йоркская „Пятая Аллея", где в беломраморных дворцах живут короли-миллиардеры) и состоял из 13-ти блюд. Подавались старинные, привезенные из Европы вина... Обед обошелся в одиннадцать с половиной миллионов долларов".

23 миллиона рублей! Недурной, это был недурной обед.

А вот вам еще вырезка из американской газеты, корреспонденция из Копенгагена:

„Здесь (в Копенгагене) живет теперь много разных крупных коммерсантов, фабрикантов, банкиров, биржевых дельцов, съехавшихся из всех возможных стран. В городе царит необыкновенное оживление. Театры делают необычайные сборы. Рестораны и кафе пе-

реполисны. Повсюду идут кутежи, повсюду пьяный разгул. Шампанское льется рекой".

Тут льется шампанское, там льется кровь...

Эти крупные коммерсанты, фабриканты, банкиры и биржевые дельцы, эти столпы нашей „гуманной культуры", морили голодом миллионы. Голод был одним из средств „насаждения демократизма". Наряду с дальнобойными пушками был пущен в ход голод. „Нам нужно нанести решительный удар кайзеру и его клике",—говорили английские государственные мужи—и морили голодом... не кайзера и его клику, а германский народ, рабочих, бедняков, трудящихся, детей, стариков, больных, дряхлых, хилых, грудных младенцев. Англия хотела взять Германию измором. Жертв пресловутой „блокады" никто не считал... А германские подводные лодки топили суда, везшие хлеб из Америки в Англию и Францию. И теперь, когда война уже официально кончилась, когда умолк уже грохот пушек и дальнобойных орудий, „война голодом" еще продолжается. Союзники продолжают „брать измором" Германию...

Мир может только ухудшить (по крайней мере, на первое время) продовольственное положение. Демобилизация армий и демобилизация промышленности, возвращение военнопленных породят чудовищную по своим размерам безработицу. В Германии уже безработица. Франция, Англия и Америка не спешат с демобилизацией,—оттого в этих странах еще пока безработицы нет. Но рано или поздно это придет. Тогда только скажутся самые ужасные последствия войны. Тогда только английский, французский и американский рабочий почувствуют—и поймут. Тогда только пролетариат союзных стран встрепенется...

IV. Мир хуже войны.

Кучка империалистских негодяев, собравшихся в Париже, говорит о „прочном постоянном мире". Но это лицемерные, лживые речи. В воздухе носятся уже новые войны. Ведь эти негодяи собрались вовсе не для того, чтобы восстановить мир, а для того, чтобы поделить между собою богатую военную добычу. И вот при дележе добычи начинаются склоки, ссоры, схватки—и, как видно, без войны, без нового кровопролития тут не обойдется.

Война возникла потому, что земной шар показался слишком мал для двух гигантов империализма — Англии и Германии. И Англия и Германия стремились к мировому владычеству. Четыре с половиной года лилась кровь — и на полях битвы решался вопрос: кто кого? Англия ли удушит Германию или Германия Англию. Теперь германский империализм повержен во прах. Но появился новый великан — Америка. Америка хочет сама занять первое место, а Англию отодвинуть на второе место. Теперь появился но-

вый вопрос: Англия ли выпихнет Америку—или Америка Англию? Вряд ли этот вопрос будет решен в Париже за зеленым столом.

Вот уже несколько месяцев прошло с тех пор, как прекратились военные действия. А между тем ни одна из „держав“ и не думает распустить свою армию. Почему? Потому что империалисты предвидят возможность новых кровавых столкновений в самом близком будущем.

Между Америкой и Англией идет спор (пока еще втихомолку) из-за „владычества над морями“. Но на сцену выступает еще и третий гигант, который тоже хочет владычествовать. Америка и Англия никак не могут поделить между собой Атлантический океан, Америка и Япония никак не могут поделить Великий океан. И вот мы, может-быть, стоим накануне двух великих войн: англо-американской и американско-японской.

Союзники так много говорили о „единстве интересов и стремлений“: мы мол все хотели одного и того-же — свободы и демократии. Были люди, которые верили этому. Но теперь эти люди убедятся, что за словами о свободе и демократии скрывались хищничество, жадность, разбойничьи аппетиты, злодейские замыслы. Война велась из-за владычества: теперь это ясно видно. И если существует и существовало между союзниками „единство“ стремлений, то выражалось оно разве в том, что все они одинаково стремились к захвату, к владычеству неограниченному, всемирному. Пожалуй, правильнее назвать не „единством“ стремлений, а о д и н а к о в о с т ь ю стремлений. В этой одинаковости стремлений и скрывается возможность будущих войн.

Не только между Америкой и Англией и между Америкой и Японией возникают трения. Они возникают и между Италией и Францией, Италией и Америкой... Воздух в Европе опять насыщается электричеством. Мирная конференция грозит превратиться в ту искру, из которой возгорится новый мировой пожар...

* * *

Теперь, когда „ангел мира витает над землею“, окончательно обнаружились истинные стремления союзных благодетелей, окончательно выявились физиономии империалистских „демократов“.

Посмотрите, как они грабят Германию! С каким остервенением они бьют лежачего. Это поистине великолепное зрелище! Через несколько месяцев после прекращения военных действий и заключения перемирия Англия не снимает блокады. Умолк грохот пушек, но война г о л о д о м е щ е п р о д о л ж а е т с я. С какой чудовищной жестокостью победители издеваются над побежденными! Германия выдала союзникам свой флот, свои паровозы, аэропланы, — и союзники этим не удовлетворяются, они требуют еще и еще. Тут жестокость утонченная, сладострастная, болезненная... Не смот-

ря на то, что заключено перемирие, французские войска продвигаются все дальше и дальше вглубь Германии, — они приближаются к Рейну, переходят Рейн, нарушают договор, подписанный их же главнокомандующим, буквально порабощают Германию. Это отнюдь не мешает французским, английским и американским дипломатам произносить медоточивые речи о свободе народов, о высоких идеалах и о демократии.

Мирная конференция — и все обстоятельства, сопровождающие заключение мира, должны раскрыть глаза тем, которых ослепил блеск лицемерных „демократических" речей. С этой стороны мирная конференция принесет свою долю пользы; она окончательно разоблачит „демократов" от империализма, она покажет всему миру, что от затеявших войну мира ждать не приходится.

В конце концов, при сложившихся ныне обстоятельствах, при начинающейся (или даже уже начавшейся) во всех странах Европы гражданской войне, при необычайно-быстро растущем революционном настроении масс, мирная конференция становится главным штабом мировой контр-революции. Революционное движение растет в Германии и во Франции. Французские газеты изо дня в день — с все возрастающей тревогой — пишут о „большевистской опасности". Одна английская газета откровенно заявила на днях, что „опасность большевизма существует и в Англии". В нейтральных странах — предреволюционное брожение. Вспомните недавнюю всеобщую стачку в Швейцарии, события в Голландии и в Дании. В Германии социал-предательскому, социал-палаческому правительству удалось придушить на время мощное революционное движение. Первое восстание германского пролетариата потоплено в потоках крови. Но мы уверены, что прежде, чем эти строки попадут в руки читателя, в Германии вновь — и с еще большей мощью — вспыхнет восстание. В Австрии и в Венгрии коммунистические партии быстро завоевывают симпатии масс. Растут и крепнут коммунистические партии в Румынии, в Болгарии, в Польше. Добавьте ко всему этому военные успехи нашей славной Красной Армии, — и вы поймете, как тревожно должно быть на душе у Рокфеллеров, Ротшильдов, Вильсонов и прочих. Пойти ли в наступление на силы революции или попытаться хитростью разбить, рассеять эти силы, — вот какой вопрос занимает умы всех сильных мира сего. Одно для них ясно: нужна беспощадная борьба.

Они толкуют о „лиге наций", о „союзе народов". Но, конечно, они имеют в виду союз империалистов всех стран, союз эксплуататоров. Каковы цели этого „союза"? Прежде всего борьба с революцией. „Союз народов" — это союз контр-революционеров всех стран, это союз беспощадной борьбы с нарастающей революцией

Вчитайтесь внимательнее в речи Вильсона и Ллойд Джорджа — и вы поймете, в чем тут дело. Их речи становятся все откровеннее, с каждым днем они перестают уже скрывать истинную сущность своих намерений и целей. Вот-вот они окончательно сбросят маску — и прямо, открыто бросят вызов.

„Что тут хитрить? Пожалуй и бою!..“

* * *

Дележ добычи и борьба с мировой революцией—вот две важнейшие задачи мирной конференции. Ни та ни другая задача не может быть разрешена без кровопролития, без кровавых столкновений. Так что, в сущности, мирная конференция собралась не для мира, а для войны. Было бы непростительной глупостью думать, что кучка империалистских негодяев сумеет дать человечеству мир. Если бы в мире не было никакой силы сильнее этой кучки негодяев, они довели бы человечество до полного истощения, до одичания, до полной гибели. Они оставили бы голого человека на голой земле. Они весь земной шар усеяли бы мертвыми телами.

Но если даже мы на одну минуту предположим, что Вильсон, Ллойд-Джордж, Клемансо и компания как-нибудь между собой сговорятся, столкуются, сложат оружие и помирятся,—разве народы могут этим одним удовлетвориться? Нет. Мир сам по себе не может удовлетворить истощенные войной, измученные народы, потому что мир сам себе не принесет с собой исцеления от всех тех недугов, источником и причиной которых является война. Мир не накормит миллионов голодных; мир сам по себе не восстановит разрушенной промышленности, не введет вновь в колею выбитую из колеи жизнь.

Нужен мир. Но нужно и еще нечто другое, нечто большее, чем мир.

Предстоит огромная, гигантская работа: на развалинах построить новую жизнь... Впрочем, нет! нельзя строить на развалинах! Прежде, чем приняться за строительство, надо очистить землю от развалин. Надо произвести хорошую чистку!

Для того, чтобы мир был действительно прочным и продолжительным, надо устранить из жизни человеческой все то, что является причиной войн. Надо уничтожить империализм. С этого следует начать. Кто может и кто должен уничтожить империализм? Пролетариат. Это—его задача. Настало время, когда пролетариат должен выступить на сцену. Он уже выступает.

Пролетариат—вот та сила, перед которой дрожит, охваченная предсмертным ужасом, кучка империалистских негодяев... Нанести решительный удар империализму, очистить землю от развалин, от старого хлама, накопившегося веками, от всякой нечисти; потом, на расчищенной земле, построить светлый храм новой жиз-

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. [illegible]

ни—вот задача пролетариата. Революция—вот первый шаг к разрешению этой задачи.

Не вести жизнь вновь в старую колею, не вернуться к старому, „до-военному“,—нет, а найти иные, новые пути и толкнуть жизнь на новый путь... Война доказала, что старые пути ведут „не туда“. Пролетариат понял это; война кое-чему научила его. Уроки войны не прошли даром... Пролетариат устал, намучился, но в то же время набрался он новых сил. И бодро, уверенно выступает он теперь на борьбу.

И вот занимается уже заря новой жизни. Мировая революция идет...

Издательство Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Тверская, 11.